

Цинь Цинъюэ своими словами пытался предостеречь Чэн Чэ, чтобы тот, едва научившись чему-то хорошему, снова не ввязался во всякие сомнительные авантюры. Супруги Чэн вечно недолюбливали прежнюю компанию Чэн Чэ именно из-за того, что те дурно на него влияли. Если бы Гу Чэнь разрисовал Чэн Чэ чем-нибудь непотребным, госпожа Лю, возможно, и не выгнала бы его из Клана Чэн в порыве гнева, но точно посмотрела бы на него с нескрываемым презрением.

Чэн Чэ разочарованно вздохнул... В этом звуке сквозило такое нежелание мириться с происходящим, что Цинь Цинъюэ невольно сжал кулаки.

Гу Чэнь примирительно улыбнулся:

— Ничего страшного! Не беда! Потом я дам тебе несколько наклеек, будешь играть.

— Отличный дружище! Уважаю! — Чэн Чэ, прямо через сидящего посередине Цинь Цинъюэ, хлопнул Гу Чэня по крепкому плечу.

...Лицо Цинь Цинъюэ в тот же миг стало мертвенно-бледным.

После позднего ужина Чэн Чэ и Гу Чэнь снова заговорили о дневных барабанных ритмах. Гу Чэнь с сожалением заметил:

— На самом деле, гораздо круче, когда есть напарник! Один бьет в барабан, другой танцует на нем — это невероятно захватывающе!

Чэн Чэ с сожалением согласился, а потом внезапно что-то вспомнил:

— О! Гу Чэнь, раз уж речь зашла о барабанах, ты умеешь играть на ударной установке?

— А? Ударная установка? Это же ваш музыкальный инструмент, его завезли к нам всего пару лет назад! Кое-что умею.

— Давай, давай! Будем играть электронную музыку! У меня тут есть всё необходимое. — Чэн Чэ в возбуждении потащил Гу Чэня в свою музыкальную комнату.

Ошеломленный Цинь Цинъюэ остался стоять на месте, сжимая в руке чайную чашку с такой силой, что, казалось, вот-вот раздавит её.

За окном простирался безмолвный густой лес, звезды в ночном небе то вспыхивали, то гасли — совсем как настроение Цинь Цинъюэ в этот момент.

В музыкальной комнате на втором этаже те двое продолжали шуметь: один играл на электронном пианино, другой отбивал ритм на ударной установке, и они никак не могли остановиться.

Цинь Цинъюэ в раздражении схватил телефон и набрал номер.

— Алло?

— Цинъюэ! Ты же вроде репетитором в Клане Чэн работаешь? С чего это ты вдруг решил мне позвонить? — На том конце провода послышался голос молодого человека. Вокруг него было довольно шумно — судя по всему, этот парень, Чу Тянь, опять где-то шляется.

В те времена телефоны только начали входить в обиход, а мобильные аппараты были огромной редкостью, поэтому Чу Тянь явно не был обычным человеком. Хотя Клан Чу не входил в Восемь Великих Кланов, это была весьма состоятельная и знатная семья. Была одна деталь, которая роднила Чу Тяня с Чэн Чэ — оба обожали электронную музыку. Правда, Чэн Чэ больше тяготел к электронному пианино, а Чу Тянь виртуозно играл на электрогитаре. Электронная музыка стала популярной не более двадцати лет назад, и увлекалась ею в основном молодежь. В глазах старшего поколения это было чем-то несерьезным, недостойным внимания занятием.

Но поскольку Чу Тяню, в отличие от Чэн Чэ, не нужно было наследовать традиционные инструменты клана, родители позволяли ему заниматься чем угодно. Хотя они не особо поддерживали его увлечение, но и не выступали против слишком яростно.

— Сяо Тянь, найди время, научи меня играть на электрогитаре, — Цинь Цинъюэ нахмурился и закрыл все окна и двери в своей комнате. Даже в гостевых спальнях Клана Чэн звукоизоляция была на высшем уровне, поэтому шум из музыкальной комнаты мгновенно стих.

— ...Твою ж мать! Цинь Цинъюэ, ты что, с ума сошел? — Чу Тянь издал нечто похожее на вопль. Надо сказать, хоть Цинь Цинъюэ и не был заплесневелым ретроградом, но интереса к электронной музыке никогда не проявлял. Когда Чу Тянь в свое время увлекся электрогитарой, он пытался втянуть в это и Цинь Цинъюэ, но тот лишь пару раз дернул за струны, а потом забросил инструмент и больше к нему не притрагивался.

— Какая тебе разница? Просто скажи, будешь учить или нет? — То, что дверь закрыта и звуков не слышно, не означало, что самой проблемы нет. Стоило только представить, как Чэн Чэ сидит в музыкальной комнате с кем-то другим... Цинь Цинъюэ чувствовал, как внутри закипает ярость.

Он не понимал, что с ним происходит. Да, дикая натура Гу Чэня была по-своему притягательна, и вполне естественно, что Чэн Чэ это нравится. То, что они нашли общий язык и сразу ладили — тоже нормально... Но одна мысль о том, что всё внимание Чэн Чэ сосредоточено на Гу Чэне, вызывала у Цинь Цинъюэ жуткое раздражение.

— Э-э, нет, Цинъюэ! Я должен знать причину, верно? Если это просто минутная прихоть...

Алло? Алло-алло! Вот черт, взял и бросил трубку! — Чу Тянь с ошарашенным видом слушал короткие гудки. Кто-нибудь объяснит ему, что вообще происходит?!

Цинь Цинъюэ, разозлившись, сам сбросил вызов. Какая причина? Он же не может признаться Чу Тяню, что хочет освоить электронные инструменты только ради того, чтобы лучше понять вкусы Чэн Чэ?! Постепенно успокоившись, Цинь Цинъюэ начал насмехаться над самим собой: какой толк учиться сейчас? Пока он освоит азы, неизвестно, до чего дойдут отношения между Чэн Чэ и Гу Чэнем!

Стоп! Цинь Цинъюэ внезапно осознал, о чем он думает! Он не осмелился копаться в причинах глубже и решил, что лучше просто принять душ и лечь спать.

Лежа в постели, Цинь Цинъюэ никак не мог привести мысли в порядок. В голове всё время всплывало лицо Чэн Чэ: горделивое при первой встрече, сосредоточенное во время игры на инструменте, лениво-расслабленное за чаепитием...

В этот момент в дверь постучали. Цинь Цинъюэ вздрогнул от неожиданности.

В такое время слуги Клана Чэн ни за что не стали бы его беспокоить, а с Гу Чэнем они не настолько близки. Значит, это мог быть только...Цинь Цинъюэ выровнял дыхание, после чего нерешительно направился к двери спальни.

— Тук-тук! Тук-тук! Тук...

Дверь отворилась. Промажнувшись мимо цели, Чэн Чэ увидел стоящего в пижаме Цинь Цинъюэ, который открыл дверь с совершенно бесстрастным выражением лица. Поморгав от неожиданности, Чэн Чэ с некоторым запозданием сообразил, что, судя по всему, явился не вовремя, и неловко поскрёб кончик носа:

— Ой, кажется, я прервал твой сон...

— Нет.

Цинь Цинъюэ заметил, что стоявший на пороге Чэн Чэ был одет всего лишь в один банный халат — судя по всему, он примчался сюда сразу после душа. Лицо Цинь Цинъюэ слегка потемнело: как этот малый может разгуливать вокруг в таком неподобающем виде! Разве он не знает, что сейчас в доме посторонний? Впрочем, в этот момент Цинь Цинъюэ почему-то совершенно забыл, что сам он здесь тоже чужой...

Увидев, что Цинь Цинъюэ повернулся и направился вглубь комнаты, но даже не подумал закрыть дверь, Чэн Чэ немного поколеблелся, но всё же последовал за ним, попутно прикрыв за собой дверь.

— А где Гу Чэнь? — заметив, что Чэн Чэ вошёл следом без малейшей тени смущения, Цинь Цинъюэ не знал, радоваться ему или злиться, и потому просто спросил о другом человеке.

Услышав холодные нотки в голосе Цинь Цинъюэ и не до конца понимая, чем они вызваны — тем ли, что он прервал его сон, или тем, что они проваляли дурака весь день и так и не позанимались как следует музыкой, — Чэн Чэ решил ответить на вопрос честно:

— Ушёл спать, уже ведь так поздно.

— Ты ещё знаешь, что так поздно! — услышав такой ответ, Цинь Цинъюэ смягчился в лице, но всё же не удержался от колкости в адрес Чэн Чэ.

— А... — осознав свою вину, Чэн Чэ закроил глаза и принялся растерянно озираться, не смея встретиться взглядом с Цинь Цинъюэ.

— ...

Видя такое поведение, что ещё оставалось сказать Цинь Цинъюэ? Он бросил раздражённый взгляд на парня:

— Зачем пришёл?

— Цинъюэ... ты случайно не злишься? — осторожно поинтересовался Чэн Чэ. — Ты ведь заперся в своей комнате сразу после того, как мы вернулись.

— А сам как думаешь?

— Я знаю, что виноват... Но Гу Чэнь ведь гость, сам видел, как скованно он себя чувствовал, когда только приехал. Как хозяйевам, нам нужно было уделить ему побольше внимания! Честное слово, завтра я обязательно буду прилежно заниматься и больше не стану отвлекаться на игры!

Чэн Чэ уселся рядом с Цинь Цинъюэ и заискивающе обнял его за руку.

Цинь Цинъюэ приподнял бровь — его настроение слегка улучшилось, стоило лишь услышать объяснения Чэн Чэ:

— Думаешь, я злюсь из-за этого?!

— ...А, тогда из-за чего?

Глядя на совершенно озадаченное лицо Чэн Чэ, Цинь Цинъюэ с унынием подумал: и правда, а из-за чего ещё? Он ведь всего лишь репетитор, с чего бы ему злиться, если не из-за того, что ученик запустил занятия?

— Ладно, уже поздно, иди к себе спать, — Цинь Цинъюэ велел ему убираться и попытался высвободить руку из объятий Чэн Чэ. Сейчас он совсем не хотел обсуждать с Чэн Чэ причины своего гнева, ему хотелось лишь побыть одному в тишине и как следует всё обдумать.

— Не уходи же! Цинъюэ! Цинъюэ, скажи мне, в чём я не прав, я всё исправлю, вот увидишь!

Если уйти сейчас, можно было посчитаться разве что круглым дураком! Руку, за которую он держался, выдернули, и в порыве паники Чэн Чэ обхватил Цинь Цинъюэ за талию. В итоге его движение оказалось слишком резким: мало того, что он сбил Цинь Цинъюэ с ног, так ещё и повалил его прямо на кровать.

Баннй халат на Чэн Чэ изначально был очень свободным и держался лишь на пояске, чудом не распахиваясь настежь. При столь резком движении он просто не мог не распахнуться: от

шеи и до самого живота обнажилась большая часть кожи. Стоило Цинь Цинъюэ хоть немного дёрнуться, как он тут же касался этого тела. Белоснежная, нежная и гладкая кожа манила не отпускать её, но вспыхнувший разум заставил его отдёрнуть руку, словно от ожога.

— Чэн Чэ! Ты вообще понимаешь, что творишь?!

Цинь Цинъюэ впервые так сквозь зубы произнес имя Чэн Чэ. Чэн Чэ в тревоге поднял голову на Цинь Цинъюэ, и тут — прекрасное зрелище! — с точки зрения Цинь Цинъюэ шея и грудь Чэн Чэ предстали перед ним как на ладони, а сквозь распахнутый ворот смутно угадывались соблазнительные Киноварные плоды.

— Чэн Чэ... — голос Цинь Цинъюэ донельзя охрип.

Он резко перевернулся, прижав Чэн Чэ к постели, а уголки его глаз пылали алым пламенем.

Близость без единого зазора наконец позволила Чэн Чэ осознать, какую бурю он только что накликал. Его щеки залил густой румянец, делавший его лицо ещё более ярким и ослепительным. Цинь Цинъюэ сглотнул слюну, смиренно признавая силу притяжения Чэн Чэ и признавая, что он — домашний учитель... влюбился в собственного ученика.

— Цинъюэ...

Слова, слетевшие с губ Чэн Чэ, окончательно погрузили и без того сбитые с толку мысли Цинь Цинъюэ в абсолютный хаос. Собрав остатки здравого смысла, он попытался подняться с Чэн Чэ:

— Не двигайся, дай мне прийти в себя.

Но Чэн Чэ и не думал сдаваться. С тех самых пор, как он узнал, что Цинь Цинъюэ и Тан Шаои — одно и то же лицо, он ждал этого дня. Он боялся действовать слишком навязчиво, опасаясь вызвать у Цинь Цинъюэ отвращение, и боялся держаться слишком отстранённо, опасаясь, что Цинь Цинъюэ покинет его навсегда и он больше никогда его не отыщет.

— Цинъюэ! Я нравлюсь тебе, да?! Ты ведь сегодня ревновал, признайся!

— Отпусти! — глядя на вцепленный в его одежду край халата, Цинь Цинъюэ чувствовал, что этот невыносимый мальчишка вот-вот доведёт его до безумия. — Не отпускай! — Чэн Чэ без малейшего колебания встретился взглядом с Цинь Цинъюэ. В прошлый раз Тан Шаои давил на него шаг за шагом, теперь же настала его очередь. Он не мог упустить шанс заставить этого человека дать слово, чтобы тот снова не сбежал, когда никто не ожидает. Разве в прошлый раз он сам не сбежал, инсценировав собственную смерть?

Как бы то ни было, сначала нужно закрепить их отношения, а чувства со временем естественным образом станут только глубже.

— Отвечай скорее! Это ведь так?

— Ты... — Цинь Цинъюэ был вынужден признать: — Да. Доволен молодой господин Чэн?

В глазах Чэн Чэ вспыхнул огонь возбуждения, но следующие слова Цинь Цинъюэ испугали его до паники:

— Завтра же я попрошу у госпожи об отставке и больше не появлюсь у тебя на глаза. А теперь отпусти.

Произнося это, Цинь Цинъюэ прятал взгляд, а его сердце пронзила странная боль — такая сильная, будто оно готово было расколоться на куски...

— Ты уходишь?! С какой стати тебе уходить?! — Чэн Чэ протянул руку, обнял Цинь Цинъюэ за плечи и, пользуясь тем, что тот не смел ни смотреть на него, ни сопротивляться, намертво вцепился в него, отказываясь отпустить.

— Я... Чэн Чэ прервал Цинь Цинъюэ, его переполняли эмоции:

— Цинь Цинъюэ! Если ты любишь меня, зачем уходил! Я ведь тоже люблю тебя!

Воспользовавшись тем, что Цинь Цинъюэ от потрясения не знал, как реагировать, Чэн Чэ перевернул его, а сам оседлал его поясницу. Упрямый бугорок, упершийся в ягодицы, ощущался предельно четко, но Чэн Чэ это совершенно не волновало — он даже намеренно потерся о него пару раз:

— Цинь Цинъюэ, послушай меня хорошенько! Я говорю, что люблю тебя. Будешь ли ты со мной?

— Ах... Маленький господин! Пожалуйста, не шути со мной так, — Цинь Цинъюэ был оглушен свалившимся на него неожиданным счастьем, а развитие событий казалось настолько гладким и идеальным, что это даже тревожило.

— Кто с тобой шутит! — Чэн Чэ расвирипел от стыда. Он и так выразил все предельно ясно, чего еще этому парню надо? — Если бы ты мне не нравился, стал бы я тебя так слушаться! Что ни скажешь — всё делаю!

— Юный господин Чэ... — Зови меня по имени.

Лежащий внизу человек просунул руки и воровато обхватил Чэн Чэ за талию, а другой рукой скользнул под распахнутый воротник одежды, отчего у Чэн Чэ ослабели поясница и ноги.

— Чэньэр...

Услышав это до боли знакомое и приторно-сладкое прозвище, Чэн Чэ испустил тихий вздох.

Рука Цинь Цинъюэ уже добралась до более сокровенного и опасного места, но Чэн Чэ и не думал сопротивляться — напротив, он сам протянул руку и вытащил собственный пояс. Под халатом скрывались лишь одни белые трусы, и эта картина поистине завораживала.

— Хочешь меня?

— Чэньэр?

— Тсс, молчи, Цинъюэ...

Чэн Чэ сам подался вперед и припал губами к губам Цинь Цинъюэ, прижимаясь обнаженной грудью к его телу. Это окончательно разожгло вожделение Цинь Цинъюэ.

На следующее утро Чэн Чэ долго не вставал. За обеденным столом сидели лишь Гу Чэнь и Цинь Цинъюэ, глядя друг на друга с взаимной неприязнью... точнее, это Цинь Цинъюэ в одностороннем порядке не желал оказывать Гу Чэню хоть какое-то гостеприимство. Хотя он и знал, что между Чэн Чэ и Гу Чэнем ничего нет, и что Чэн Чэ уже целиком и полностью принадлежит ему, Цинь Цинъюэ всё равно не выносил Гу Чэня. Что ж, теперь Цинь Цинъюэ прекрасно понимал, почему между представителями разных обычаев вечно возникают конфликты.

Гу Чэнь явно общался с людьми без искры понимания — то ли он действительно не замечал, что Цинь Цинъюэ не желает с ним разговаривать, то ли ему было всё равно. Открыв рот, он напрямик спросил:

— А где А-Чэнь? Ещё не встал?

— Господин вчера слишком сильно баловался и лег поздно, он ведь не отличается таким неиссякаемым запасом энергии, как господин Гу, — с бесстрастным выражением лица ответил Цинь Цинъюэ, перекидывая всю вину на Гу Чэня и наотрез отказываясь упоминать, кто именно раз за разом без усталости наслаждался Чэн Чэ, из-за чего тот сегодня и не смог подняться с постели.

В этот момент дворецкий поставил перед Гу Чэнем еще одну тарелку с мясом, тоже с каменным лицом. Он тоже на дух не переносил Гу Чэня: по мнению тех, кто всем сердцем радел о благах молодого господина, Цинь Цинъюэ был великим благодетелем, вытащившим Чэн Чэ из огненной ямы, а Гу Чэнь — злодеем, который эту самую яму его и толкал.

— Кхм, — сухо кашлянул Гу Чэнь и смущенно произнес: — В следующий раз я буду аккуратнее, обязательно буду...

Ишь ты, захотел он еще и в следующий раз! Мечтать не вредно!

Это была общая мысль, которая одновременно посетила и Цинь Цинъюэ, и дворецкого.

Ближе к полудню, к самому обеду, Чэн Чэ наконец встал, однако вид у него по-прежнему был сонным и вялым. Цинь Цинъюэ лично ухаживал за Чэн Чэ, охраняя его от Гу Чэня, как волка, и несколько раз прерывал попытки Гу Чэня заговорить с Чэн Чэ. После еды Цинь Цинъюэ и вовсе увел Чэн Чэ в музыкальную комнату, оставив Гу Чэня за дверью.

А дворецкий крайне успешно помогал ему, преграждая Гу Чэню путь и не позволяя тому мешать Чэн Чэ упражняться в игре на цитре.

— И из-за чего ты на этот раз ревнуешь? — лениво прислонившись к груди Цинь Цинъюэ, произнес Чэн Чэ, наотрез отказываясь притрагиваться к инструменту. Под предлогом того, что тело чувствует себя плохо, а стул слишком жесткий, он устроился прямо на коленях у Цинь Цинъюэ.

Цц, для Цинь Цинъюэ это было поистине сладким мучением.

— Разве не из-за того, что вчера ты был так близок с Гу Чэнем... — Цинь Цинъюэ даже не пытался скрывать свою ревность, которая источала кислый аромат напрапалую. Чэн Чэ вспомнил, что в прошлой жизни этот человек вёл себя точно так же. Даже если Чэн Чэ, увлекшись общением с друзьями, случайно уделял ему меньше внимания, он не оставлял это без последствий, используя подобные моменты как предлог, чтобы выторговать себе поблажки. Чэн Чэ первым подался вперёд и чмокнул его в губы.

— Что за чепуху ты несёшь? Кто тут ещё к кому ближе подобрался...

Хотя, если честно, это кое-кто умудрился пробраться прямо к нему в душу. Хм.

Цинь Цинъюэ не понравилось, что поцелуй получился таким небрежным. Он прижал ладонь к затылку Чэн Чэ и углубил его, затянув настолько, что Чэн Чэ едва не задохнулся.

— Эй! Мы всё ещё в музыкальной комнате! Будь хоть немного сдержаннее!

Когда дворецкий докладывал Лю Фуфэну о делах молодого господина, он изрядно приукрасил ситуацию, вылив немало грязи на Гу Чэня. Однако внимание Лю Фуфэна сосредоточилось лишь на том, что Чэн Чэ и Гу Чэнь отлично ладят друг с другом.

По сравнению с прежними сомнительными приятелями Чэн Чэ, Лю Фуфэн был куда спокойнее насчёт Гу Чэня. По крайней мере, у того точно не было дурных помыслов. Те же прежние друзья Чэн Чэ, хоть и прикрывались общими интересами к электронной музыке, в девяти случаях из десяти крутились вокруг него лишь ради связей семьи Чэн, а некоторые даже пытались водить Чэн Чэ за нос, считая его простаком.

Супруги Чэн за долгие годы повидали всяких людей, и мелкие уловки тех проходимцев могли обмануть Чэн Чэ, но не такую проницательную женщину, как госпожа Лю. В прошлом она всячески препятствовала общению сына с той компанией, и на самом деле это было исключительно ради блага Чэн Чэ. Вот только тот не верил — он лишь считал, что родители — закостенелые консерваторы, которые не одобряют его хобби и мечты.

С тех пор как появился Цинь Цинъюэ, Чэн Чэ стал заметно меньше общаться с теми «друзьями». Мало того что он перестал пропадать где попало, так ещё и звонки стали редкими. Впрочем, неудивительно: у тех подхалимов не так уж много лишних денег, чтобы постоянно названивать Чэн Чэ, а подобная аппаратура — это сейчас самая настоящая роскошь, да и в главный дом семьи Чэн попасть кому попало не под силу.

Услышав, что Гу Чэнь и Чэн Чэ развлекаются в музыкальной комнате, играя с электронной музыкой, госпожа Лю не стала реагировать слишком бурно. Пока это не мешает основному занятию Чэн Чэ — игре на фортепиано — такие увлечения вполне можно терпеть. Раз уж с ним Гу Чэнь, Чэн Чэ не пойдёт искать приключений на стороне, а учитывая, что Цинь Цинъюэ наверняка проследит, чтобы тот не заходил слишком далеко, — это просто идеальный расклад. Подумав об этом, госпожа Лю наконец-то смогла вздохнуть с облегчением.

Сын, который раньше доставлял супругам столько головной боли, наконец-то остепенился. Госпожа Лю втайне гадала: может, всё дело было в том, что Чэн Чэ не хватало ровесников для общения? Если так, то она не против того, чтобы в их доме стало немного оживлённее. С этой мыслью госпожа Лю позвонила своему брату. У Лю Чэнфэна двое детей: старшая — дочь, которая на год младше Чэн Чэ, и младший — сын, которому исполнилось всего восемь лет. Как бы то ни было, Клан Лю в плане воспитания детей справлялся куда лучше Клана Чэн. Старшая дочь, Лю Цзин, практически не доставляла родителям хлопот, а младший сын, Лю Ли, с самого малого возраста отличался рассудительностью. Лю Цзин по характеру пошла в тетю, Лю Фуфэн, — это была девушка с яркой индивидуальностью. В детстве она часто бегала играть в Клан Чэн, так что их с Чэн Чэ можно было назвать друзьями детства.

Однако позже, в глазах Чэн Чэ, Лю Цзин стала образцовым ребенком из чужой семьи, и он естественным образом начал отдаляться от нее.

В этот день визит Лю Цзин застал Чэн Чэ врасплох.

— Кузен! — В детстве Лю Цзин очень любила своего кузена, но позже Чэн Чэ стал относиться к ней холодно и отстраненно, и Лю Цзин, будучи девушкой тактичной, перестала навязываться. Несколько дней назад Лю Фуфэн звонила ее отцу и сказала, что мучительный бунтарский период Чэн Чэ, похоже, наконец-то подошел к концу. Лю Цзин, снедаемая любопытством, прибежала взглянуть на него лично, заодно захватив приглашение на Собрание Великих кланов, которое должно было состояться в следующем месяце. — Цзинцзин? — Чэн Чэ извлек из памяти образ этой на вид смутно знакомой девушки. Строго говоря, они, двоюродные брат и сестра, не виделись уже несколько лет, лишь изредка бросая друг на друга взгляды издали на Собрании Великих кланов, но ни у кого из них не было желания первыми проявить инициативу и поздороваться. Поэтому, увидев Лю Цзин впервые за долгое время, Чэн Чэ сперва вспомнил ее еще маленькой девочкой, а в итоге в мгновение ока она выросла и превратилась в настоящую барышню. В свои пятнадцать лет ее вполне можно было назвать девушкой на выданье, вот только на щеках еще не сошел детский пух, отчего Лю Цзин выглядела милой и прелестной.

Хотя она не бывала здесь уже несколько лет, Лю Цзин прекрасно знала главный особняк Кланов Чэн, да и слуги семьи Чэн отлично знали эту молодую госпожу из Клана Лю. Лю Цзин сладко поприветствовала дворецкого, а затем без тени смущения вошла в главную резиденцию.

В этот момент Цинь Цинъюэ стоял рядом с Чэн Чэ. Они только что закончили пить послеполуденный чай и собирались отправиться в музыкальную комнату позаниматься на фортепиано, в то время как Гу Чэнь привычки пить послеполуденный чай не имел и сейчас неизвестно куда ушел.

— Господин Цинь, мы снова встретились.

В присутствии Цинь Цинъюэ Лю Цзин заметно сбавила свой пыл. В отличие от своей близости с Чэн Чэ и дружелюбия с дворецким, к Цинь Цинъюэ Лю Цзин относилась так же, как и все остальные отпрыски знатных семей: вежливо, но сдержанно, а в ее глазах таился едва уловимый критический взгляд.

В последний раз Лю Цзин виделась с Цинь Цинъюэ на прошлогоднем концерте мирового масштаба — том самом, где Цинь Цинъюэ завоевал первое место.

<http://bllate.org/book/21663/2235258>